

УДК 94:2(571.1/.5)

ББК 63.3(2Рос-4Омс)61+86.2

Положение иудейской общины Омска в контексте религиозной политики государства во второй половине 1945-х — 1960-е гг.*

Н.П. Зиберт

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

The Situation of the Jewish Community of Omsk in the Context of Religious Policy of the State in the Second Half of 1945–1960s

N.P. Zibert

Altai State University (Barnaul, Russia)

Рассматривается правовое и социально-экономическое положение общины иудеев, которая функционировала в Омске с 1945 до 1960-х гг. Изученные автором архивные документы свидетельствуют, что проводимая в рассматриваемом регионе антирелигиозная политика сопровождалась многочисленными нарушениями и административным произволом советских властей в отношении иудейских общин. Это было обусловлено не только желанием местных властей уничтожить религиозные пережитки среди населения, но и искоренить «буржуазный национализм», использующийся в качестве обвинения в ходе массовых репрессий против национальных меньшинств. При этом следует отметить специфику функционирования иудейской общины, стремившейся в новых политических условиях сохранить свою национальную идентичность. Так, несмотря на адаптированный к современным условиям молитвенный ритуал и произнесение молитв за советское правительство и Сталина, община тщательно курировала процесс захоронений на еврейском кладбище, препятствуя захоронению на нем людей другой национальности и вероисповедания. Большое значение предавалось традиционным религиозным праздникам, подготовка к которым велась в условиях противодействия местных органов государственной власти и грубого вмешательства во внутренние дела общины. В конечном счете административное давление и репрессивные меры местных властей привели если не к полному исчезновению общины, то к значительному затуханию религиозной жизни внутри нее.

Ключевые слова: иудейская община, государственно-конфессиональная политика, Омск, синагога, евреи, СССР.

DOI 10.14258/izvasu(2020)2-05

The article examines the legal and socio-economic situation of the Jewish community, which functioned in Omsk from 1945 to 1960. The archival documents studied by the authors show that the anti-religious policy pursued in the region under consideration was accompanied by numerous violations and administrative arbitrariness of the soviet authorities against Jewish communities. This was due not only to the desire of local authorities to destroy religious remnants among the population, but also to eradicate "bourgeois nationalism", used as an accusation in the course of mass repressions against national minorities. At the same time, it should be noted the specifics of the functioning of the Jewish community, which sought to preserve its national identity in the new political conditions. Thus, despite the prayer ritual adapted to modern conditions and the recitation of prayers for the soviet government and for comrade Stalin. The community carefully supervised the process of burial in the Jewish cemetery, preventing the burial of people of other nationalities and religions. Great importance was given to the traditional religious holiday, the preparation for which was carried out in the face of opposition of local authorities and gross interference in the internal affairs of the community. In the end, administrative pressure and repressive measures of local authorities led, if not to the complete disappearance of the community, then to a significant damping of religious life within it.

Key words: Jewish community, state-confessional policy, Omsk, synagogue, the Jews, the USSR.

* Работа подготовлена в рамках выполнения гранта РНФ по теме «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект №19-18-00023).

Изучение особенностей взаимодействия иудейских обществ с органами власти в СССР является одной из актуальных тем в отечественной исторической науке. Это связано как с недостаточной изученностью данной проблематики, так и с накопившимися предрассудками и предубеждениями, затрудняющими межкультурное сотрудничество и диалог.

При этом следует отметить преобладание большого количества работ, отражающих общесоюзные тенденции реализации государственно-конфессиональной политики в отношении иудейских общин [1, с. 252–255; 2, с. 215], либо публикации, посвященные деятельности еврейских обществ в отдельных регионах Западной Сибири [3, с. 47–50; 4, с. 282–290; 5, с. 290–318; 6, с. 246]. При этом до настоящего времени фактически не проводилось изучения социально-экономического положения иудейской общины Омска в контексте именно государственно-конфессиональной политики в 1917–1964 гг., что и обуславливает научную новизну данного исследования.

Целью исследования является рассмотрение правового и социально-экономического положения общины иудеев, которая функционировала в Омске с 1945 до 1960-х гг.

Несмотря на положительные изменения религиозной политики, начавшиеся в СССР с 1943 г., функционирование значительного количества религиозных общин страны было затруднено. Следует отметить, что политика советской власти, проводимая в этот период в отношении евреев, отличалась двойственным характером. С одной стороны, продолжалась антисемитская политика, с другой — на фоне лояльного отношения к православию уменьшились репрессивные меры и по отношению к другим конфессиям, в том числе и к иудаизму [7, с. 103–110]. В различных регионах страны формировались и возобновляли свою деятельность иудейские общины, закрытые и расформированные в предыдущие годы. Не стало исключением и еврейское религиозное общество «Новый молитвенный дом», в 1944 г. столкнувшееся с острой проблемой нехватки места в богослужебном здании [8, л. 1]. Следует отметить, что в середине 1930-х гг. общество располагало зданиями двух синагог, одного из которых они лишились в результате внутриобщинного конфликта в 1935 г. [9, с. 305–320], а второе в 1942 г. добровольно обменяли в районном жилищном отделе Куйбышевского района Омска на молитвенное помещение в муниципализированном доме [8, л. 1]. Вследствие этого перед исполкомом облсовета было возбуждено ходатайство о возврате одного из зданий бывших синагог. В 1946 г., приняв во внимание начало строительных работ на участке, прилегающем к действующему молитвенному дому иудейской общины по адресу ул. 9 Линия, д. 169, а также

отсутствие в городе помещений, соответствующих строительско-техническим, санитарным и противопожарным правилам, омским облисполкомом было принято решение передать иудейскому обществу здание бывшей синагоги, расположенное по адресу ул. Лагерная, д. 47 [10, л. 26].

При этом в связи с продолжительным уклонением общины от регистрации служителя культа было выдвинуто требование об обязательной его регистрации. Председатель правления еврейской религиозной общины Столяр нежелание регистрировать служителя культа объяснял не востребованностью последнего в культовой деятельности, а также тем, что богослужение проводится отдельными членами поочередно, а на дому религиозные обряды совершают граждане Этинзон и Карант [8, л. 3]. Важно отметить, что проблема избрания раввина существовала во всех регионах Сибири. Будущий раввин должен обладать соответствующим образованием, получить которое в Сибири было невозможно. Вследствие этого религиозные обряды в иудейской общине зачастую исполнял человек без должного образования, что постепенно вело к ассимиляции общин и размыванию религиозных устоев [11, с. 100–103].

В начале 1950-х гг. у членов иудейской общины намечалась тенденция выхода за рамки религиозной общины и формирование специфического еврейского общества. По мнению уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Омской области Д. Кукарина, община в своей деятельности занимала линию приспособленчества и не упускала случая показать свою лояльность советской власти. При этом в условиях подавления внешних проявлений еврейской самоидентификации формировался особый тип советской еврейской идентичности [12, с. 255–289]. Так, например, исполнительный орган общины намеревался проводить в синагоге доклады на политические темы, о жизни и деятельности Сталина. Кроме того, планировалось иметь в синагоге его портрет. Содержание молитв стремились приспособить к современным условиям, отмечая что «в молитвах поется о Иерусалиме, а верующие евреи являются... патриотами Советского Союза» [13, л. 60].

2 октября в 1949–1950 гг. община отмечала международный день мира. Раввин Столяр во время моления выступил с проповедью на тему участия в борьбе за мир религиозных общин [14, л. 78]. Во время богослужения произносилась молитва за советское правительство и Сталина. 20 декабря 1949 г. общиной было проведено торжественное богослужение, посвященное 70-летию Сталина, в котором участвовали 200 человек. Была исполнена кантата о Сталине на русском языке и зажжены 70 свечей [14, л. 106]. В конце богослужения старейшие члены общины спели две веселых песенки. Помимо это-

го, Сталину отправили приветственную телеграмму и собрали 1 тыс. руб. в пользу сирот отечественной войны, которую внесли в Российское общество Красного Креста. Впоследствии раввин Столяр обращался к уполномоченному Совета по делам религиозных культов за разрешением изготовить из красного бархата футляр для торы с надписью «В честь семидесятилетия Иосифа Виссарионовича Сталина», но получил отказ [15, л. 13].

К 1950 г. посещаемость синагоги в обычные дни достигала 100 человек [14, л. 78]. Значительное большее количество верующих собиралось в дни праздничных богослужений и религиозных праздников. Так, в 1949 г. еврейскую синагогу в праздничный пост посетили больше одной тысячи человек. 8–9 октября, в первые дни праздника Кушцей, синагогу посетили 350–400 человек (среди них около 25% молодежи). 15–16 октября во время празднования Кушцей в синагоге присутствовали 450–500 человек [14, л. 108].

В последующие годы посещаемость синагоги сохранялась примерно на одном уровне. В 1953–1954 гг. в дни праздников с 17 сентября по 9 октября (Пасха, Новая год, Судный день) синагогу посещали от 700 до 1200 человек. В 1955 г. количество людей, посещающих богослужения, уменьшилось, и на Пасхе присутствовало около 300–350 человек, в осенние праздники 500–550 человек. Если в 1953–1954 гг. по субботам в синагогу приходило 100–150 человек, в 1955 г. субботнее посещение снизилось до 40–50 человек. При этом в будничные дни в синагоге, как правило, молились 10–15 человек [13, л. 119].

По сообщению старосты Хейсина и других представителей общины, на богослужениях в дни иудейских праздников было особенно много женщин, в основном пожилых. Также были верующие средних лет и незначительное количество молодых людей. В качестве кантора выступили местные верующие, так как кантор из Москвы запросил большую плату — 5 тыс. руб. [13, л. 73]. Из Бийска был приглашен специалист по забою скота и птицы некий Шенин, которому была установлена оплата труда в 200 руб., а также предоставлена квартира в здании синагоги, в помещении, где ранее выпекалась маца. Забивали только птицу. За ее забой резачу уплачивали 1–3 или 5 рублей. Фиксированной суммы не устанавливалось [13, л. 74].

Следует отметить, что уполномоченному Совета по делам религиозных культов по Омской области не удалось выявить случаев официальной продажи мест в синагоге в 1955 г., но им была обнаружена практика завуалированной продажи под видом «пожертвований», и фактически многие места в синагоге были закреплены за одними и теми же определенными лицами, которые «жертвуют» [13, л. 74]. На то, что исполнительный орган не снимает с мест номеров, которые ввел еще бывший раввин

Столяр, жаловался также Гольдтреер — один из верующих. На личном приеме у уполномоченного Совета по делам религиозных культов он указывал на существующие, по его мнению, беспорядки. В частности, в синагоге не читали молитв, содержащих призывов к борьбе за мир, и молитв о ниспослании долголетия руководителям советского государства [13, л. 82]. Богослужение, посвященное 38-й годовщине Великого Октября, не было проведено должным торжественным образом. На этом богослужении Гольдтрееру не только не дали лично выступить с речью, но и отказались зачитать ее после богослужения. Более того, бывший кантор общины Горелик разорвал текст речи, содержащий высказывания о великих людях В.И. Ленине и И.В. Сталине, и бросил в печку [13, л. 83, 85]. Отвечая на обвинения, исполнительный орган общины отметил, что Гольдтреер неоднократно пытался выступать перед верующими, иногда сопровождая эти выступления цитатами из газет, но верующие были против его выступлений, так как он глубокий старик и говорит неразборчиво [13, л. 74–75].

Особое внимание иудейская община уделяла еврейскому кладбищу. Доплачивая ежемесячно смотрителю кладбищ, община поставила его в зависимость от себя и через него контролировала захоронения на еврейском кладбище. В разговоре с уполномоченным Совета по делам религиозных культов староста общины Хайсин указывал на то, что смотритель кладбища не имеет права отводить место под могилу без ведома исполнительного органа общины. Это также подтверждали работники кладбища. Обратившиеся к смотрителю кладбища по вопросам похорон получали совет оформить все необходимые справки в загсе и в городском управлении кладбищ, а затем зайти в синагогу и дополнительно переговорить о похоронах с одним из членов исполнительного органа общины, который курировал эти вопросы [13, л. 120]. Одновременно с этим отмечалось, что, возможно, умерший был уже пожилым человеком, потому следует произвести похороны по-еврейски. Такой совет давался даже в том случае, если человек не хотел обращаться в синагогу. Таким образом, работники кладбища способствовали тому, что бы родственники умершего обязательно обратились в синагогу и подумали о религиозных обрядах [13, л. 121]. Были случаи, когда в синагогу обращались неверующие евреи, предупреждавшие о том, что им нужна только могила, но никаких религиозных обрядов они соблюдать не хотят. В этих случаях представитель исполнительного органа общины посещал кладбище для отведения места под могилу [13, л. 80]. По словам Хейсина, на кладбище были похоронены несколько коммунистов. Были случаи, когда за разрешением похоронить умершего на еврейском кладбище в синагогу обращались русские,

отмечающие, что это кладбище «лучше благоустроено», но разрешения на похороны они не получали, так как «нет места» [13, л. 81].

16 мая 1955 г. в беседе с уполномоченным Совета по делам религиозных культов староста иудейской синагоги М.М. Хесин объяснил нежелание приглашать раввина отсутствием финансовых возможностей для оплаты его труда, а также тем, что верующие знают порядок совершения религиозных обрядов и молений [13, л. 22]. Религиозные обряды при похоронах, венчании, наречении имени совершали престарелые верующие, хорошо знающие порядок их совершения, но их число незначительно и не учитывается. Обряд обрезания не проводится ввиду отсутствия специалиста, к тому же никто по этому поводу в последнее время в общину не обращался [13, л. 123]. Кроме того, члены общины просили уполномоченного содействовать общине в приобретении мацы, так как на Пасху в 1954 г. маца нигде не продавалась. Обратившись, по совету уполномоченного Совета по делам религиозных культов, в Министерство торговли с просьбой осуществлять продажу мацы в торговой сети города, община столкнулась с равнодушием. Впоследствии верующие выпекали мацу у себя дома [13, л. 81].

Важно отметить, что проблема выпечки и приобретения мацы вставала перед верующими из года в год. Так, еще в 1949 г. уполномоченный Совета по делам религиозных культов Д. Кукарин указывал верующим иудеям на то, что синагога предназначена для отправления религиозных обрядов, а не для промышленного предприятия, и органы советской власти, скорее всего, запретят выпекать в ней мацу, после чего дал соответствующие указания исполкому Куйбышевского районного совета. Сотрудники исполкома потребовали прекратить выпечку мацы в синагоге и сломали печь, предназначенную для ее приготовления [14, л. 108].

В 1959 г. праздник Пасхи проходил с 23 по 30 апреля 1959 г. Выпечка мацы происходила на трех частных квартирах, оборудованных русской печью, с задействованием 20 рабочих, с оплатой по 6 руб. за 1 кг выпеченной мацы. Организаторы выпечки — бывший раввин Столяр и М.Н. Разносчиков — снимали квартиры у частных граждан, а Я.Ш. Эйнифельд пек мацу у дочери. В среднем в каждом пункте выпекалось по 50–70 кг мацы в день. Выпечка началась 5 марта и закончилась 6 апреля 1959 г. За это время было выпечено около 6 тонн мацы. Позднее данный факт рассматривался на заседании административной комиссии Куйбышевского райисполкома, который оштрафовал каждого из организаторов выпечки на 300 рублей.

При подготовке к Пасхе 1960 г. руководители общины заранее начали ходатайствовать об организации выпечки мацы. Для этого были поданы хода-

тайства в областное управление торговли с просьбой дать указание хлебовыпекающим организациям выпечь 6 тонн мацы, а также в Куйбышевский райисполком для получения разрешения организовать выпечку. Однако в ходатайствах иудейской общины было отказано [16, л. 21]. Аналогичная проблема существовала и в соседних регионах. Например, иудеям Бийска Алтайского края партийные органы из года в год отказывали в организации специальных пекарен [13, с. 100–103].

Важно отметить, что в середине 1950-х гг. община иудейского вероисповедания действовала только в Омске, а в районах области этих общин не числилось [15, л. 15]. При этом руководители иудейской общины не стремились к сотрудничеству с уполномоченным Советом по делам религиозных культов и по собственной инициативе на приеме у последнего почти не бывали. Члены исполнительных и ревизионных органов иудейской общины были на приеме только по приглашению уполномоченного Совета [13, л. 116–117].

На начало 1955 г. иудейская община имела в наличии денежных средств 1815 руб., в том числе две облигации государственного займа выпуска 1951 г. стоимостью по 50 рублей каждая, на одну из которых выпал выигрыш в сумме 1800 руб. Общиной также осуществлялся сбор пожертвований, за счет которых оказывалась материальная помощь нуждающимся членам общины [14, л. 78]. Помимо хозяйственных расходов, синагога осуществляла выплаты сторожу кладбища в размере 50 руб. в месяц, оплачивала поправку могил, а также за свой счет хоронила отдельных верующих из числа нуждающихся или приезжих, умерших в больнице. Когда кто-то из приезжих умирал в больнице, последняя запрашивала синагогу, будет ли она хоронить [13, л. 51]. Понимая, что место захоронения подчеркивает национальный характер и усиливает авторитет общины, иудейская община стремилась осуществлять руководство делами еврейского кладбища. На протяжении всего времени существования еврейского кладбища община вела учет того кто, где и когда захоронен.

После того, как стало известно о закрытии старого еврейского кладбища, община намеревалась провести на нем инвентаризацию, мотивируя это необходимостью обеспечить сохранность могил и надмогильных памятников, а также для более удобного поиска нужной могилы. Бывший член исполнительного органа А.В. Вакс и член исполнительного органа Б.М. Эдельштейн сообщили уполномоченному Совету по делам религиозных культов, что они будут добиваться участия представителя общины при консервации кладбища. В связи с этим последний рекомендовал начальнику похоронного бюро принять меры к изоляции общины от вмешательства в дела кладбища [17, л. 4, 47]. Весной 1959 г.

общине было запрещено проводить «воскресник», озеленение и инвентаризацию нового еврейского кладбища [18, л. 4].

Важно обратить внимание на то, что в январе 1953 г. Управлением МВД по Омской области была арестована группа «буржуазных националистов», в состав которой вошли председатель правления Омской еврейской общины Э.Н. Столяр, мастер артели «Химпром» И.И. Бухман, портной артели «Иншвейпром» К.Г. Пинский. По версии следствия данная группа занималась антисоветской агитацией с использованием религиозных и национальных предрассудков [4, с. 282–290]. После ареста некоторых членов исполнительного органа верующие стали опасаться посещать синагогу. В обычные дни в синагогу приходило не больше 10 человек. Посещаемость синагоги на Пасху в 1955–1956 гг. составляла около 400 человек. Канторами выступали члены общины, в том числе председатель ревизионной комиссии Красных [13, л. 23, 51]. Ритуальный забой птицы производил бывший раввин Столяр. В беседе с уполномоченным Столяр также сообщал, что по просьбе нынешнего раввина Лендера проводит венчание и обрезания. Лендер же сообщил, что ему эти случаи неизвестны [17, л. 13, 48]. В дни осенних праздников в 1956 г. (15–28 сентября) посещаемость синагоги резко увеличилась по сравнению с предыдущими годами, и в первый день праздника не все желающие смогли молиться в синагоге. Часть верующих находилась во время богослужения во дворе. В разные дни было разное количество людей — от нескольких десятков человек 20 сентября, до 220 человек 28 сентября. Увеличившуюся посещаемость староста религиозной общины объяснил тем, что некоторые дни праздников совпали с выходными днями на некоторых предприятиях, а также вернулся отсутствовавший несколько лет Горелик, который выполнял обязанности «резака». Тем не менее по заявлению общины заявок на обрезание не было. Кроме того, освобождение из заключения раввина Столяра способствовало прекращению опасений части верующих посещать синагогу.

Важно отметить, что после возвращения из заключения Столяр стремился вернуть себе руководящее положение в общине, выступать в роли активного организатора процесса богослужения, в дни основных богослужений был кантором. В то же время староста Хейсин и раввин Лендер отмечали нежелание верующих видеть Столяра в роли руководителя. Некоторые верующие, например Гольдереер, говорили, что ему нежелательно руководить общиной, так как его прошлые действия повлекли за собой арест и вели к развалу общины [18, л. 187].

В 1959 г. в дни осенних религиозных праздников синагогу посещали около 500–600 человек, причем количество верующих в разные дни было различ-

ным. Наибольшее количество молящихся наблюдалось 12 октября, в основном это были лица средних лет и пожилые люди. При этом, несмотря на то, что 4 октября был выходной, а руководитель общины ожидал много народу, но в синагоге остались свободные места.

В том же году впервые за много лет на осенние праздники был приглашен иногородний кантор — Мардух Аронович Слуцкий из Ново-Зыбково Брянской области, проезд которого обошелся общине в 5 тыс. руб. Пребывание и выступление приезжего кантора повлекло за собой увеличение посещения синагоги, в связи с чем паспортный стол отказал ему в прописке, а через органы милиции были приняты меры к скорейшему его выезду из Омска. В остальные праздничные дни канторами были члены общины Красных и Столяр [17, л. 72–73].

Несмотря на ежедневное проведение религиозных служб, их посещаемость к 1964 г. заметно сократилась. Так, в субботу богослужения посещали 15–25 верующих, в остальные дни — 10–12. В праздники в синагоге присутствовало от 100 до 400 человек. Очень часто богослужения срывались из-за отсутствия необходимого количества верующих в синагоге. Как правило, синагогу посещали пожилые мужчины. Женщины в количестве 50–100 человек присутствовали лишь в праздники. В 1963 г. произошли изменения в составе ревизионной комиссии синагоги. Один из старейших и активнейших деятелей председатель Я.Х. Красных под влиянием своего сына (секретаря партийного комитета завода) подал в отставку, вместо него был избран Г.Д. Файсман [18, л. 29].

Важно отметить, финансовое положение общины. Так, в 1964 г. доход синагоги составил 1525 руб., что на 305 руб. меньше дохода 1963 г. Уменьшение дохода произошло за счет снижения посещаемости синагоги и пожертвований. Расход за это время составил 1567 руб. (на 822 руб. меньше, чем в 1963 г.), из них: зарплата — 560 руб. (на 130 руб. меньше) и хозяйственные расходы — 729 руб. (на 970 руб. меньше, чем в предыдущем году. Остаток средств на 1 января 1965 г. составил 1737 руб. (на 1 января 1964 г. остаток равнялся 2179 руб.) [18, л. 29].

Учет религиозных обрядов, совершенных по требам верующих, показал, что в течение года их было совершено 238. Из них религиозных похорон — 8, причастий — 30, резание птиц — 200. По словам руководителей иудейской общины, с каждым годом совершается все меньше религиозных обрядов. При этом соблюдают их преимущественно пожилые люди, что ставит под угрозу дальнейшее существование и функционирование иудейского прихода [18, л. 30].

В заключение следует отметить, что спад религиозных настроений в среде иудеев был обуслов-

лен несколькими причинами. Во-первых, это административный контроль, установленный со стороны местных органов власти и распространившийся на все сферы деятельности общины. Иудеям противодействовали в выпечке мацы, запрещали оказывать материальную помощь нуждающимся единоверцам, был установлен контроль за ходом богослужения и др. Помимо этого, существенное

влияние на функционирование общины оказывали внутренние конфликты. Периодическая смена руководства и борьба за лидерство приводили к разобщенности и утрате чувства внутреннего единства, что в свою очередь способствовало заметному сокращению всех видов деятельности иудейской общины и привело к середине 1960-х гг. к затуханию религиозной жизни внутри нее.

Библиографический список

1. Олексенко А.С. Мирное сосуществование различных конфессий на территории СССР в период усиления атеистической пропаганды // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22, № 4.
2. Чарный С.А. Государственная политика в отношении еврейских религиозных общин в период «оттепели» (1953–1964) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.
3. Генина Е.С. Еврейские общины Хабаровского края в середине 1940-х — начале 1950-х гг. (анализ в контексте политической ситуации) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 3(51).
4. Генина Е.С. Тема государства Израиль в обвинениях советских евреев в 1953 г. (по материалам Западной Сибири) // Материалы Пятнадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2008.
5. Костырченко Г.В. Московская еврейская религиозная община: от Октябрьской революции до Большого террора // Конфессиональная политика советского государства в 1920–1950-е годы : материалы XI Международной научной конференции. М., 2019.
6. Ульянова О.С. Еврейское население в экономической, социокультурной и общественно-политической жизни города Томска. Томск, 2010.
7. Шведова В.В. История становления и развития иудаизма в Еврейской автономной области // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2014. №3(16).
8. Исторический архив Омской области (ИсА). Ф. 2603. Оп. 1. Д. 2.
9. Герасимова В.А. Еврейские общины Западной Сибири в XIX—XXI вв.: социокультурный облик // Научный диалог. 2019. № 6.
10. ИсА. Ф. 437. Оп. 9. Д. 1200.
11. Кацаева М.В. Иудейская община Бийска в первой половине XX в. // Известия Алтайского гос. ун-та. 2012. № 4/2 (76).
12. Ханин В. (Зээв). Религиозная идентичность из бывшего СССР в Израиле // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 3(33).
13. ИсА. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 14.
14. ИсА. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 9.
15. ИсА. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 10.
16. ИсА. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 29.
17. ИсА. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 27.
18. ИсА. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 41.